

УДК 82.0

Е.А. ФИЛОНОВ

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ КАК ОБЪЕКТ НАРРАТОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Ключевые слова: историческая поэтика; коммуникативные стратегии нарратива; событийность; теория повествования.

Аннотация: Являясь на сегодняшний день одной из наиболее интенсивно развивающихся отраслей теории литературы, нарратология, тем не менее, часто подвергается критике за абстрактный характер и неисторичность. В статье предлагается принцип исторического подхода к проблеме изучения художественного повествования, основанный на взаимодействии в практике анализа категорий нарратологии и исторической поэтики.

Теория повествования является на сегодняшний день одной из наиболее интенсивно развивающихся отраслей литературной теории. Картину ее развития в конце XX в. можно представить как ряд крупных прорывов, которые позволили значительно углубить изучение поэтики художественного нарратива [3; 9; 12]. Тем не менее, сегодня нарратология зачастую вызывает критику как «умозрительная» дисциплина: «В ее теориях значительно больше чисто логических предположений о должном, чем непосредственного наблюдения над эмпирическими данными, фактами, полученными в результате тщательного и беспристрастного анализа» [4, с. 165]. Эта оценка небезосновательна: направление большинства нарратологических исследований последнего времени определяется движением от логических обобщений к конкретному литературному материалу. Наиболее отчетливо эта проблема обнаруживается в дискуссиях, посвященных центральной для теории повествования категории события [10].

Главная трудность, вызывающая расхождение в трактовке событийности, связана с проблемой универсального определения этого фе-

номена. Предложенная Ю.М. Лотманом формула «пересечение границы семантического поля» [6, с. 224] получает в его исследовательской системе универсальное значение за счет двух условий. Во-первых, пересечение границы Ю.М. Лотман рассматривает, по сути, как мотив – единицу сюжетосложения (в соответствии с концепцией А.Н. Веселовского) [13, с. 13]. При таком подходе не возникает вопроса об обязательных условиях событийности: мотив способен реализоваться по-разному, и речь может идти лишь о степени событийности того или иного мотива в конкретном тексте. Во-вторых, Ю.М. Лотман рассматривает событие в системе культуры синхронически. Разрабатывая бинарную оппозицию «событийный/бессобытийный текст», он ставит в один ряд волшебную сказку, древнерусскую летопись, реалистический роман, телефонный справочник и т.д. [6, с. 221–229]. Таким образом, эта концепция противоречий не содержит.

Возникают же они на том этапе, когда феномен события оформляется как центральная нарратологическая категория, и появляется необходимость конкретизировать условия событийности. В работе В. Шмида 2003 г., ставшей наиболее масштабной попыткой системной теоретической рефлексии в нарратологии, был предложен перечень таких условий, два из которых названы обязательными – это релевантность и непредсказуемость [12, с. 11–13].

Эта концепция, изначально претендовавшая на универсальность, содержит в себе серьезное противоречие, спустя некоторое время ставшее предметом обсуждения теоретиков, в том числе и самого В. Шмида. Вполне очевидно, что релевантность и непредсказуемость – это неабсолютные критерии, обусловленные конкретной интерпретацией. В понимании событийности появляется новый аспект: событие – это герменевтическая категория, зависящая от субъекта и

контекста, которые, в свою очередь, обусловлены типом культуры и соответствующей картиной мира [13, с. 13].

Эти важнейшие уточнения вызваны размышлениями над проблемой универсального определения события, однако никакого конкретного ответа на этот вопрос В. Шмид не предлагает. Между тем, проблема носит принципиальный характер: вопрос об объеме понятия событийности связан с вопросом об объекте нарратологии и границах ее применимости как метода. Рассуждая о контексте, В. Шмид констатирует, что событие «в современном понимании этого термина» [13, с. 21] (релевантное и непредсказуемое пересечение границы) отсутствует в литературных системах ряда эпох (в русской литературе оно начинает распространяться лишь с конца XVIII в. и утверждается в реалистической культуре XIX в.). Таким образом, событийность «полезна» как «указатель определенной ментальности» [13, с. 20] (здесь мы видим, по сути, возвращение к бинарной оппозиции Ю.М. Лотмана «событийный/бессобытийный текст»). Означает ли это, что материал нарратологических исследований должен быть ограничен литературой реалистической и постреалистической эпох? Или же необходимо перестать рассматривать «категорию события в современном понимании этого термина» как основной объект нарратологии? Приближаясь к этим вопросам, В. Шмид останавливается: исторический подход лишает его определение события универсальности.

В.И. Тюпа предлагает другой взгляд на эту проблему [11]. Представление о событийности находится в зависимости от типа культуры и картины мира, поэтому характер события определяется «дискурсной формацией» (т.е. концепция пересечения границы, актуальная в рамках «императивной» картины мира, соответствует лишь одной из форм событийности). Из примеров анализа, приводимых В.И. Тюпой, видно, что «дискурсные формации» рассматриваются им синхронически – как одновременно сосуществующие в системе культуры (что снова возвращает к подходу Ю.М. Лотмана). Таким образом, расширяя представление об объекте нарратологии, В.И. Тюпа игнорирует диахронический подход: его определение события – это претендующая на универсальность, но не историчная (т.е. абстрактно-логическая) классификация.

Спектр подходов к проблеме событийно-

сти очень широк и, конечно, не ограничивается взглядами В.И. Тюпы и В. Шмида, однако два приведенных примера наглядно демонстрируют центральное противоречие, от которого не могут уйти исследователи. Любая «универсальная» концепция оказывается неисторичной, т.е. в определенный момент теряет прямую связь с материалом, приближаясь к абстракции. Таким образом, главным «препятствием» на пути от классифицирующей системы к герменевтической практике для теории повествования оказывается проблема историзма.

В. Шмид, формулируя понятие контекста, обуславливающего событийность, приближается к этой проблеме, но не решает ее. Соотнося контекст с категориями «тип культуры» и «картина мира», он возвращается к концепции культуры как синхронической системы инвариантов. Между тем, очевидно, что подлинным решением рассмотренной проблемы может стать только историчное понимание контекста. Как представляется, к такому пониманию можно приблизиться, заменив понятие «тип культуры», адекватное синхроническому семиотическому подходу Ю.М. Лотмана, понятием «литературная эпоха», принадлежащим исторической поэтике [1; 5; 7–8].

А.В. Михайлов, рассматривая литературную эпоху как феномен и как понятие теории литературы, называет ее сущностными свойствами динамику и диалектичность. Подходя к определению эпохи с точки зрения исторической поэтики, необходимо совместить два условия: во-первых, взгляд на литературу как на живой непрерывно развивающийся незавершенный процесс; во-вторых, взгляд на эпоху как на часть целого литературного процесса [8, с. 46–47]. Таким образом, формируется представление о литературе как о «системе динамической соопределенности» [8, с. 42] (в отличие от замкнутого поля феноменов, имеющих однозначную качественную определенность и закрепленные границы).

Возможность соотнести понятие контекста в нарратологическом исследовании с так понимаемой литературной эпохой подсказывает сам путь становления теории повествования. Вполне очевидно, например, что классическая концепция событийности с перечисленными В. Шмидом критериями разработана на материале литературы реалистической и постреалистической эпох, и степень ее применимости в том или ином конкрет-

ном случае определяется его удаленностью от хронологического и смыслового центра эпохи реализма [13, с. 20–23]. Такой подход, отмечает А.В. Михайлов, для теоретических исследований в целом закономерен: для них «реалистическая литература XIX в. в некотором отношении и на деле оказывается логическим фокусом, центром истории всей литературы» [7, с. 14]. Именно с точки зрения реалистической «нормы» традиционно описываются все остальные литературные эпохи: постреалистическая литература – как ее деформация и разрушение; переходная эпоха рубежа XVIII и XIX вв. – как процесс ее формирования; литература риторической эпохи – как система, которая «одновременно и противостоит реализму XIX в. <...> и готовит его исподволь и издавна» [7, с. 14]. Таким образом, рассматривая всю литературу через призму «реалистической нормы», нарратология движется по пути традиционному для литературной теории XX в., однако на настоящем этапе ее развития эта ситуация с необходимостью должна быть отрелексирована.

Сопрягая проблематику нарратологии и исторической поэтики, необходимо соотнести два аспекта рассмотрения литературного текста – как коммуникативного акта и как факта литературной эпохи. Этой задаче, как представляется, отвечает понятие литературной конвенции, которую можно рассматривать как некое характерное для данной эпохи представление об основаниях литературного творчества, разделяемое одинаково писателями и читателями и предшествующее тексту как акту коммуникации. Повествовательной конвенцией определяется инвариантный для данной эпохи путь читательского восприятия литературного текста, выстраивания реакции на повествование, отношения к повествуемому.

Конвенция реалистического повествования, ставшего основным исследовательским полем нарратологии и пространством ее теоретического оформления, определяется спецификой и статусом «слова» в постриторическую эпоху. Для реалистической эпохи в противоположность риторической культуре характерно смещение центра тяжести со слова на действительность: слово осмысливается как путь к действительности. Сущностной особенностью литературы здесь оказывается стремление к созданию иллюзии реальности: мир повествуемый должен быть отождествлен читателем с миром внелите-

ратурным.

Основополагающее для реалистической эпохи представление о диалектичности, «незавершенности» бытия и воплощающего его слова (в отличие от завершенности слова риторического) обуславливает представление о событии как непредсказуемом нарушении нормы. Так понятая событийность становится организующим центром литературного текста в его движении к поиску новых «беспрецедентных» смыслов.

Читатель же, воспринимая пространство повествования как до определенной степени тождественное внелитературной действительности, оценивает художественное событие как имеющее отношение к его собственной жизни. Причем такая этико-эстетическая реакция на литературное произведение также событийна – ее итогом становится приращение жизненного опыта читателя. Эта установка обусловлена фундаментальным для реалистической эпохи представлением о диалектической взаимосвязи литературы и действительности, которую А.В. Михайлов определяет как борьбу реалистического искусства со своей эпохой [7, с. 52–53].

Эти положения, как представляется, позволяют схематично обозначить коммуникативную конвенцию повествования реалистической эпохи, смысловым центром которой становится роман [1, с. 72–233, 408–483].

Таким образом, в рамках исторического подхода к проблеме изучения поэтики художественного повествования можно сформулировать следующую задачу: те принципы, с которыми традиционно связывалось общее представление о нарративности, рассмотреть в контексте всего литературного процесса и конкретной обусловившей их эпохи.

Понятие конвенции отвечает задаче описания основополагающих для литературы целой эпохи повествовательных установок, при этом описание специфики индивидуальных повествовательных систем, существующих в рамках одной конвенции, оформляется как особая проблема.

Вернемся к исходному для нас определению событийности В. Шмида. Помимо контекста, в нем обозначено еще одно понятие, определяющее событие как герменевтическую категорию, – субъект. Вопрос о субъектной организации повествования (основополагающий для так называемого классического понимания нар-

ративности) в таком преломлении становится одним из аспектов проблемы событийности. Событие как предмет интерпретации находится в зависимости от воспринимающего субъекта – на высшем уровне смысловой организации текста таким субъектом оказывается адресат повествования.

Разграничивая проблематику нарратологии и рецептивной эстетики, необходимо сформулировать вопрос об адресате как проблему коммуникативных стратегий повествования. Если конкретная интерпретация в акте чтения обусловлена взаимодействием индивидуального опыта читателя и «горизонта текста» [14], то коммуникативная стратегия нарратива как раз и определяет этот «горизонт текста», т.е. задает некий путь интерпретации, формируя определенный «образ» адресата на высшем уровне семантической организации текста (т.е. имплицитного читателя).

Если конвенция эпохи задает базовые коор-

динаты выстраивания и восприятия литературного повествования, то различные нарративные стратегии могут определять своеобразие индивидуальной художественной системы, соответственно, их изменениями в творчестве того или иного автора (в рамках конвенции эпохи и в соотношении с ней) обуславливается динамика его повествовательной системы.

Исходя из этого, предложенное В. Шмидом определение события как герменевтической категории можно уточнить, соотнеся вопрос о контексте событийности с понятием литературной эпохи и ее конвенции, а вопрос о субъекте – с понятием коммуникативных стратегий нарратива. Таким образом, исторический подход к проблеме изучения художественного повествования, отвечающий, как представляется, актуальным задачам развития современной теории повествования, оказывается возможным при взаимодействии в практике анализа категорий нарратологии и исторической поэтики.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
3. Дрозда, М. Нарративные маски русской художественной прозы / М. Дрозда // *Russian Literature*. – Amsterdam, 1994. – Vol. 35. – № 3/4. – С. 332–361.
4. Ильин, И.П. Постмодернизм. Словарь терминов / И.П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН–Intrada, 2001. – 384 с.
5. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М. : Наследие, 1994. – 511 с.
6. Лотман, Ю.М. Об искусстве / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 702 с.
7. Михайлов, А.В. Методы и стили литературы / А.В. Михайлов. – М. : ИМЛИ РАН, 2008. – 175 с.
8. Михайлов, А.В. Языки культуры / А.В. Михайлов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 909 с.
9. Падучева, Е.В. Семантические исследования / Е.В. Падучева. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
10. Маркович, В.М. Событие и событийность: сборник статей / под. ред. В.М. Марковича и В. Шмида. – М. : Intrada, 2010. – 296 с.
11. Тюпа, В.И. Статус событийности и дискурсные формации / В.И. Тюпа // *Событие и событийность: сборник статей* / В.И. Тюпа; под. ред. В.М. Марковича и В. Шмида. – М. : Intrada, 2010. – С. 24–36.
12. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
13. Шмид, В. Событийность, субъект и контекст / В. Шмид // *Событие и событийность: сборник статей* / В. Шмид; под. ред. В.М. Марковича и В. Шмида. – М. : Intrada, 2010. – С. 13–23.
14. Яусс, Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения / Х.-Р. Яусс // *Новое литературное обозрение*. – 1995. – № 12. – С. 34–84.

References

1. Bahtin, M.M. Voprosy literatury i jestetiki / M.M. Bahtin. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 502 s.
2. Bahtin, M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva / M.M. Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979. – 423 s.
3. Drozda, M. Narrativnye maski ruskoj hudozhestvennoj prozy / M. Drozda // Russian Literature. – Amsterdam, 1994. – Vol. 35. – № 3/4. – S. 332–361.
4. Il'in, I.P. Postmodernizm. Slovar' terminov / I.P. Il'in. – M. : INION RAN–Intrada, 2001. – 384 s.
5. Istoricheskaja pojetika. Literaturnye jepohi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. – M. : Nasledie, 1994. – 511 s.
6. Lotman, Ju.M. Ob iskusstve / Ju.M. Lotman. – SPb. : Iskusstvo, 2000. – 702 s.
7. Mihajlov, A.V. Metody i stili literatury / A.V. Mihajlov. – M. : IMLI RAN, 2008. – 175 s.
8. Mihajlov, A.V. Jazyki kul'tury / A.V. Mihajlov. – M. : Jazyki ruskoj kul'tury, 1997. – 909 s.
9. Paducheva, E.V. Semanticheskie issledovaniya / E.V. Paducheva. – M. : Jazyki ruskoj kul'tury, 1996. – 464 s.
10. Markovich, V.M. Sobytie i sobytijnost': sbornik statej / pod. red. V.M. Markovicha i V. Shmida. – M. : Intrada, 2010. – 296 s.
11. Tjupa, V.I. Status sobytijnosti i diskursnye formacii / V.I. Tjupa // Sobytie i sobytijnost': sbornik statej / V.I. Tjupa; pod. red. V.M. Markovicha i V. Shmida. – M. : Intrada, 2010. – S. 24–36.
12. Shmid, V. Narratologija / V. Shmid. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
13. Shmid, V. Sobytijnost', sub#ekt i kontekst / V. Shmid // Sobytie i sobytijnost': sbornik statej / V. Shmid; pod. red. V.M. Markovicha i V. Shmida. – M. : Intrada, 2010. – S. 13–23.
14. Jauss, H.-R. Istorija literatury kak provokacija literaturovedeniya / H.-R. Jauss // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1995. – № 12. – S. 34–84.

E.A. Filonov

St. Petersburg State University, St. Petersburg

Narrative of Fictional Text as an Object of Narratology and Historical Poetics

Keywords: communication strategies in narrative; eventfulness; historical poetics; theory of narration.

Abstract: Being one of the most popular and developing field of contemporary literary studies, narratology often comes under criticism for its abstractiveness and non-historicity. The paper provides the principle of historical approach to the problem of studying of the narrative of fictional texts based on the combination of narratology and historical poetics.

© Е.А. Филонов, 2014